

Плач сначала был сдержанным, но постепенно становился все громче. Голос Ли Синчуаня не был слышен, но можно было не сомневаться, что он утешал Се Сьюня.

Что они пережили за эти пять лет, через что прошли, Лин И не знал, и они не хотели рассказывать. А что пережил Лин И, через что прошел он, было еще труднее произнести.

У каждого свои страдания, но разве их обсуждение может облегчить боль? Однако Лин И завидовал Се Сьюню, ведь его слова Ли Синчуань хотя бы слушал.

Прошло почти час, и снаружи стало тихо. Они закончили разговор, и Лин И тоже пора было уходить.

Он встал, поправил одеяло спящему Сяо Шу и открыл дверь, но увидел Ли Синчуаня, который стоял спиной к нему, накрывая пледом уснувшего на диване Се Сьюня. Его силуэт был молчаливым и нежным.

Ли Синчуань, закончив накрывать пледом, обернулся и увидел Лин И.

Пальто лежало на диване, и Лин И пришлось подойти к нему, чтобы взять одежду и попрощаться.

— Я пойду, не буду вам мешать.

Едва он сделал несколько шагов, как человек сзади догнал его и схватил за запястье.

— Ты —

Ли Синчуань резко потянул его в спальню, так что дверь захлопнулась. Лин И все еще был в панике, его бледное лицо в темноте казалось лишь парой глаз.

— Ты не боишься, что Сьюнь услышит?

— А что если услышит?

— Он может неправильно понять.

— Что именно?

Лин И почувствовал боль в запястье, но не мог вырваться, поэтому стиснул губы и молчал. Ли Синчуань, неизвестно откуда взявшийся гнев, поднял его руку и спросил:

— Я спрашиваю, что он может неправильно понять, а ты онемел?

— Отпусти меня.

Лицо Лин И то краснело, то бледнело, грудь слегка вздымалась. Только в такие моменты, под влиянием ревности, он осмеливался немного противостоять деспотизму Ли Синчуаня.

— Я пойду.

— Как ты пойдешь в такую позднюю пору?

— На такси.

— Открой глаза, на улице снег, откуда здесь такси?

Лин И обернулся и увидел, что за окном кружились хлопьями снега, а кондиционер напротив уже покрылся белым слоем, словно снег шел уже давно. В такую холодную и снежную ночь беднякам, казалось, лишали даже права выйти на улицу. В нем поднялось чувство горечи, но он все же сказал:

— Если нет такси, я пойду пешком.

— Вчера у тебя была температура 39, ты вообще понимаешь, что делаешь?

— Понимаю или нет, что я могу сделать? — Он поднял голову, голос дрожал. — Если я скажу, что хочу, чтобы ты проводил меня домой, ты согласишься?

Зрачки Ли Синчуаня сузились, его темные глаза пристально смотрели на Лин И.

— Ты не согласишься, правда? Потому что тебе нужно быть с Сьюнем. Он теперь звезда, снизошел до того, чтобы спать на твоём диване, и ты, конечно, должен быть с ним.

— Лин И —

Рука Ли Синчуаня с грохотом ударилась в дверь, его лицо стало чернее ночи.

— Сделай еще шаг, и посмотрим.

Голос звучал почти как угроза.

Сердце Лин И разрывалось от боли, он стиснул кулаки и не отводил взгляда.

— Я тебе ничего не должен, почему я не могу уйти?

— Ничего не должен? Кто дал тебе одежду? Кто помог тебе сохранить работу?

Лин И оттолкнул его руку и начал снимать одежду.

— Хорошо, я все верну.

Он начал с свитера, подняв его обеими руками и сняв без колебаний. Затем, обнажив верхнюю часть тела, он принялся снимать брюки, которые сразу же упали на пол.

— Трусы мои собственные, хочешь проверить? — Его голос дрожал, глаза были красными. — Завтра я уволюсь, даже если придется продавать картины на улице, я не буду тебе должен.

Даже с отоплением в комнате, стоя голым, он дрожал от холода. Постояв несколько секунд, он повернулся, чтобы уйти, но в следующий момент его ноги оторвались от пола, и он оказался на кровати.

Ли Синчуань, с лицом, как у демона, шумно выдвинул ящик, достал упаковку таблеток, схватил Лин И за подбородок и начал засовывать их ему в рот, действуя крайне грубо.

Лин И стиснул зубы, отчаянно сопротивляясь, пытаясь оттолкнуть его руками и ногами, но подбородок был сжат так, что кожа побелела.

— Ты... мм... отпусти меня, что ты мне даешь? Я не буду это есть!

Кровать, выдерживая вес двоих, сильно раскачивалась, ударяясь о стену.

Ли Синчуань силой разжал ему рот, и две таблетки без сопротивления попали в горло. Лин И, в ужасе и панике, закашлялся, оттолкнув его.

— Кх... кх... кх!

После кашля он попытался пальцами вызвать рвоту, чтобы вытащить таблетки. Ли Синчуань, в ярости и страхе, снова схватил его за подбородок, но, увидев упрямый взгляд Лин И и две струйки слез, стекающих по его лицу, остановился.

Лин И смотрел на него, не отводя глаз, нижняя губа, которую он сильно прикусил, была покрыта каплями крови. Он больше не спрашивал, что ему дали, словно смерть была бы лучше, чем эта боль.

Этот знакомый и упрямый взгляд мгновенно вернул Ли Синчуаня в прошлое. Пять лет назад и сейчас Лин И задал ему один и тот же вопрос:

— Синчуань, я действительно так плох?

Слезы Лин И текли беззвучно.

— Почему ты ко всем так хорош, а ко мне — нет? Я не прошу многого, просто будь со мной так же, как с Сыюнем, даже половины его достаточно, почему ты не можешь дать мне и этого?

Почему?

Эти слова годами копились в сердце Лин И. Поступки Ли Синчуаня были как зеркало, отражающее его самого в худшем свете. Он не мог понять, в чем он так плох, что не заслуживает даже капли доброты.

Ли Синчуань вдруг ответил:

— А ты как думаешь?

Лин И замер.

— Ты сам сказал, что уходишь, потом передумал, а теперь спрашиваешь, почему?

Его голос был низким и хриплым, явно искренним. Лин И, услышав это, только через несколько секунд пришел в себя и схватил его за руку.

— Синчуань, пять лет назад ты...

Ли Синчуань оттолкнул его руку, но Лин И снова схватил его.

В этих словах что-то начало проясняться. Он не мог упустить этот мимолетный шанс, словно хватаясь за соломинку.

— Синчуань, скажи мне правду, ты был в аэропорту пять лет назад?

— У тебя паранойя.

— Синчуань, скажи мне честно, ты тогда сжег билеты?

— Я сжег их дотла, понял? — Ли Синчуань резко вырвал руку и холодно посмотрел на него. — Одевайся и возвращайся к себе.

Он ушел, хлопнув дверью. Лин И, пошатываясь, долго стоял на месте, прежде чем начал одеваться.

Неизвестно, действительно ли Се Сьюнь не проснулся или просто притворился. Ли Синчуаня не было в гостиной, вероятно, он ушел в свою комнату. Лин И взглянул на диван и молча вышел.

На улице действительно бушевала зимняя вьюга, снег пошел внезапно и сильно. На земле уже лежал слой снега, который едва покрывал подошвы обуви.

Он шел один, вышел за ворота комплекса, прошел по длинной улице, ступая по 182 квадратным красным плиткам.

Он считал.

Светофор на перекрестке больше не работал, только мигал желтый свет. Он остановился под облезлой акацией, прижимая к груди сумку с ноутбуком, и попытался вызвать такси, но долго никто не отвечал.

Ли Синчуань был прав, в такую погоду найти машину было почти невозможно. И это было самым печальным — Ли Синчуань всегда был прав.

С самого начала Лин И был одинок в своих чувствах, Ли Синчуань оставался непобедимым, всегда правым. Ни один закон не обязывал его отвечать на чувства Лин И, ни один закон не заставлял его держать слово и хранить верность.

Разве не говорили, что закон не должен противоречить человечности? Почему же все так несправедливо? Холодные статьи закона не могли охватить все тонкости человеческого сердца и не могли вынести справедливый приговор Ли Синчуаню.

В любви, даже если ошибки достигают небес, человек может наказать только себя, не трогая другого.

Несправедливо, несправедливо.

Лин И стоял на обочине, замерзая, когда перед ним появился минивэн. Дверь открылась, и Се Сьюнь выскочил, хмуро втащив его внутрь.

— Почему ты ушел, не сказав мне? Я же говорил, что подброшу тебя. Ты что, больше не считаешь меня другом?

Оказавшись в тепле, тело Лин И начало дрожать, он опустил глаза и не смотрел на него.

— Ты спал.

Примечание автора: Сцена, в которой Ли Синчуань замечает Лин И, была добавлена автором в блок комментариев и перенесена в основное повествование для сохранения логики сюжета.